

В. А. Демьянов

кандидат философских наук, доцент

"ИНТУИЦИЯ ТВАРНОСТИ" В ФИЛОСОФИИ С. Н. БУЛГАКОВА

*Руки Твои сотворили меня и устроили меня; вразуми меня,
и научусь заповедям Твоим
(Пс. 118:73)*

В статье рассматривается одна из идей С. Булгакова, которая относится к вопросу о взаимокорреляции между научным, рациональным дискурсом и верой.

Ключевые слова: С. Н. Булгаков, вера, мышление, философия.

Мир либо был всегда, т. е. он вечен, существует сам по себе и ни в ком, ни в чём для своего бытия не нуждается. Либо же его некогда не было, он сотворён и сам по себе существовать не может. Сергей Николаевич Булгаков во втором отделе "Света не вечернего" детально эксплицирует эти две взаимоисключающие метафизические установки. Выходит так, что придерживаться какой-либо из них – дело веры. Ведь не можем мы каким-либо опытом, экспериментом разрешить эту дилемму, сделать выбор с позиций знания. Свидетельством тому – первая из неразрешимых Кантовых антиномий. Мир вечен, существует сам по себе и всё в нём происходит согласно мирским причинам и законам – такой верою конституируется наука: "...Мир не сотворён, он в себе самом имеет основу, есть своё собственное создание; нет высшего бытия, чем мировое, нет ничего, что было бы выше бытия" [1, с. 278].

Противоположная установка, по Булгакову, "интуиция тварности", убеждает, что миру, во всей его безмерности, не принадлежит от века собственное бытие, – оно ему дано, точнее, даровано. "Такова предельная интуиция религиозного самосознания и исходная аксиома веры, которая приемлется или отвергается в глубочайших недрах целостного религиозного духа до всякой рефлексии и ранее всякой философии; последняя лишь выявляет и осуществляет разные возможности, заложенные в уже принятом решении, даёт ему философскую транскрипцию" [1, с. 278], – пишет С. Н. Булгаков.

В пределах науки выбора вероисповедной установки нет: естествоиспытатель, чтобы смочь считать себя деятелем науки, **обязан** верить, что мир вечен и не сотворён, что всё в нём совершается само собой, без вмешательства Творца. Иначе наука вообще не состоится. В своё время, дабы уберечь науку от Ватикана, был изобретён

деизм – компромиссная версия, согласно которой Творец всего лишь сотворил мир, задал законы его функционирования и развития, а затем, утомившись от дел праведных, опочил, предоставив всему сотворённому существовать без посторонней помощи. С тех пор природа действует сама по себе, и даже, оказывается, из каких-нибудь наипростейших кварков или лептонов, в конце концов, в качестве венца своего *собственного* творения, способна сообразить самое сложное – философа, который в такую её способность станет **верить**. Этот вариант веры позволял безмятежно исследовать природу, не нуждаясь в "гипотезе" о Боге (П. Лаплас). Собственно, того же рода и несколько ранее спродуцированная "теория двойственной истины". Пути Господни неисповедимы, но у христианина есть в руках надёжный компас, от искажения истины усающий: "Отец Мой доньше делает, и Я делаю" (Ин. 5,17). Слова Христовы деизму места не оставляют. Впрочем, исследуя вещь как саму по себе существующую (такова вероисповедная установка современного естествознания, "физики" не в Аристотелевом, а в нынешнем её понимании), греха можно не бояться, если понимать, что самость ей присуща, но – дарована всё-таки.

Вероисповедный выбор науке непозволителен, ведь наука *одна*, одна и вера её. Философия же есть "свободное искусство", у неё-то выбор есть: история знает *разные* философии, **одной**, для всех веков и народов, философии нет, да и не предвидится. Между тем, возражения против христианской философии как-то неосмотрительно выдвигаются с позиций якобы существующей "всеобщей философии", а она, дескать, печать особенности, конфессиональности на себе не несёт. Этьен Жильсон, например, уподоблял христианскую философию "христианской математике". Это остроумие, однако, не без изъяна: таблица умножения, конечно, одна на всех, и собственное мнение по отношению к ней можно найти лишь в сумасшедшем доме, но вот философии одной на всех нет и не предвидится, "конфессиональности" в ней предостаточно.

У безысходности один только выход – попытаться уподобиться науке, взяться исповедовать

"единственно научную" философию, но для этого следует сподобиться принять соответствующую науку *веру* – "интуицию нетварности". Увы, до осознания того, что тут имеет место именно *акт выбора веры*, дело, как правило, не доходит. И "не доходит" именно потому, что вечность материи, несотворённость мира, при известном недостатке рефлексии, даже при осведомлённости об антиномиях Канта, представляется безвопросной **очевидностью** и свободы выбора не предоставляет. С позиций научного мировоззрения дело с необходимостью, безвопросно представляется так, будто вечность и несотворённость природы – истина знания, а сотворённость её – предпочтение веры. Вера же вопросительна, и она свободна потому, что *знает* себя как веру, *знает* свою антиномичность. Верить или не верить – это вопрос, и пока человек жив, вопрос остаётся животрепещущим, "актуальным". Сомнение есть симптом живой, а не окаменевшей веры.

И всё же, в метафизическом измерении, дилемма "тварности-нетварности" *мира* ощутимо второстепенна относительно смысла и назначения человеческой жизни. Для *человека*, человеком себя сознающего, на первом месте – вопрос о *собственной* "тварности-нетварности". Ясное сознание себя как создания любящего и всемудрого Отца Небесного наделяет смыслом поиск своего предназначения, ведь Бог творит не подаривовски – не через случайность, о каждом из нас должен быть какой-то Его замысел. Иными словами, при таком самопонимании **вопрос о смысле имеет смысл**. Но он лишён всякого смысла, если понимать себя как продукт природы. Роль Творца в естественнонаучном мировоззрении играет случайность ("второе имя Бога", свято место пусто не бывает), в случайности же (как, впрочем, и в необходимости) никакого смысла нет и быть не может. Да и вопрос о смысле, о назначении существования самой природы как таковой современному представителю науки покажется, по меньшей мере, странным.

Если человек понимает себя как продукт природной случайности, то насчёт смысла собственного существования ему приходится "самозаконодательствовать" – не разгадывать, а *придумывать* себе смысл. Или какое-то время просто "жить чтобы жить" – как живёт животное, к вопрошанию о смысле не предназначенное. Но, увы, время проходит и, как сказал один мудрый человек, после шестидесяти жизнь уже не кажется вечной...

Выбор между "тварностью" и "нетварностью", по Булгакову, совершается "до всякой рефлексии и *ранее* всякой философии". Но то, что совершается до всякой рефлексии, выбором можно назвать лишь весьма условно. Осмысление мира с позиций интуиции "тварности" или

"нетварности" есть, поэтому, манифестация того модуса бытия, в котором пребывает рефлектирующая человеческая личность. Можно даже сказать, *эманация* этого модуса. Человеческий образ бытия следует отличать от вечно-предметно-понятийного.

Христианская догматика позволяет представить человеческий образ бытия ("экзистенцию") в виде иерархии модусов: *раб, наёмник, сын*. Наивысшей полноты человеческое бытие достигает через *усыновление*: уверовавшим во имя Его Христос дал "власть быть чадами Божиими" (Ин. 1:12), *не рабами* уже. В том пафос и феноменальное откровение Благой вести: у христианина есть Отец Небесный и открыт ему путь к сыновству. Сыновство есть модус бытия, которому присуще знать отца. Если речь идёт об отце земном, сын, чья его, не вправе забывать о своей рождённости (можно говорить об "интуиции рождённости"). Если Отец Небесный, если сыновство не по природе, а по благодати, актуализируется "интуиция тварности". Она-то и не позволяет человеку манкировать фактом подаренности ему собственного его бытия, не даёт впасть в абстракцию голой самости. Она обявляет свято чтить жизнь как **дар**. Языческий же образ философствования изначально (и по сей день) базируется на презумпции "безотцовщины".

Дар есть акт **свободы**. В свете "интуиции тварности" дар должен быть понят как принцип разумения личностного образа бытия человека, а с тем – и бытия как такового, что в метафизике фигурирует как первоначало всего сущего. Бытие не есть "объект", который "вне нас и независимо от нас", его невозможно объективировать, не удастся "вытащить из него голову" и посмотреть со стороны. Мы ведь тоже в бытии, и оно может быть дано нам только через наше собственное бытие. В силу невозможности субъект-объектной категоризации по отношению к бытию, "*научный*" подход здесь абсолютно невозможен: наука устраивается строгим разделением "субъекта" и "объекта", без этой всему предшествующей процедуры науки попросту нет. Если в мире всё "по науке", то свободы в нём нет и быть не может. Вся природа, без остатка, помещается в зазор между *необходимостью* и *случайностью*. Это выяснил ещё Кант: природа и свобода несовместимы, роль свободы в природе исполняет *случайность*, редуцированный донельзя суррогат свободы.

Дар есть акт **бытия**. Это слово – "бытие" – на всём протяжении историко-философского процесса будоражило недюжинные философские умы и побуждало к интерпретациям. Стандартам научного "понятия" оно никоим образом не хотело соответствовать. В том, что бытие, понимаемое как "условие возможности" приравнивания

субъекта суждения к предикату (S "есть" P), что понимаемое как логическая связка между субъектом и предикатом, "бытие" ни одного предиката к субъекту не прибавляет и потому "содержание" понятия не обогащает, с Кантом следует согласиться. Но так дело видится именно "Субъекту", уверенному в том, что исчерпывающая форма истины – суждение. Ну а суждение невозможно без понятия, ведь из понятий оно и состоит. *Субъекту без предиката не быть*. "Пустое" это понятие, так выходит.

Для человека (не "субъекта") **быть** означает **жить**. Субъектом человек *бывает*, и бывание это имеет категориальную структуру становления. Эта категория наличного бытия, по Гегелю, есть единство возникновения и прехождения, в её свете действительность предстаёт непрерывным мельканием появлений-исчезновений. "Жизнь" субъекта и есть непрерывная смена предикатов – тех определённости, в которых он и фигурирует в социуме как некое одушевлённое нечто ("вещь мыслящая" – это отсюда). В университетской аудитории я преподаватель, покинув стены этого заведения, становлюсь пешеходом, войдя в метро – пассажиром, в магазине – покупателем и т. д. Все такого рода определённости чётко фиксируются соответствующим в своей определённости средством – понятием, и за всем множеством таких определённости кроется соответствующая онтологическая определённости – **Субъект**. В контексте *этого модуса* человеческого бытия вопрос о "тварности-нетварности" неуместен, ибо к пребыванию в *таком* образе человек способен назначать себя **сам**, в отце или в Творце нисколько не нуждаясь. Иное дело, как расценивается такая *трансформация*. Пройдя через её горнило, легко поверить, что **редукция** – и есть путь к истине и совершенству. Собственно, манифестация такого убеждения в философии уже сбылась и афиширована с полной ясностью: три кита, на коих предаётся интеллектуальному сибаритству феноменология, например, – это и есть тринитарная *редукция* ("феноменологическая", "трансцендентальная", "эйдетическая").

С чьей-то лёгкой руки принято полагать, будто "дьявол кроется в деталях". Но ведь это, если и правда, – о мелком бесе, не о *дьяволе*. "Взлывший" в конце сорокадневного поста Христос отверг дьявольские искушения, не вдаваясь в детали, не выдвигая уточняющих условий. Смысл и суть всего изложенного ниже, смею надеяться, касается самого *главного* в философии. В фестончиках и рюшечках, воланчиках и выточках, выделанных хоть Росцелином, хоть Декартом, пристальный умствующий взор особых изъёмов не узрит, разве что самую малость. Детали хоть у Гуссерля, хоть у Апеля изысканны

и точны. В деталях – разве что бесенята, "мелочь пузатая", князь же мира сего – в главном.

В сущности, философия, по самому своему замыслу, есть колоссальный умственный эксперимент (и, слава Богу, всего лишь умственный). Две с половиной тысячи лет философский разум исповедует себя совершенно автономным, абсолютно индивидуальным. И этот разум, с порога отвергающий всякую истину, если только она не добыта *собственным*, сугубо индивидуальным рассуждением, если её предлагает пусть даже самое авторитетное **свидетельство** об истине, – исключительно своими силами пытается разыскать истину о мире, о человеке, о Боге (о Боге – это не всегда).

Настолько фундаментальна для философии, столь смыслообразующа для философа эта установка на "самостийность", так "въелась" в генотип, что задаёт поле дискурса совершенно автоматически, не привлекая к себе критического взора. Возможна ли вообще истина на началах автаркии? Не догматичным ли окажется положительный ответ на такой вопрос? А не подлежит ли он самому радикально-критическому исследованию? Увы, в контексте *языческой* философии не приходится рассчитывать не то что на ответ, но даже на сам вопрос. Самим уже исполнением акта философствования на подобный манер, "по умолчанию", утверждается: "Здесь Родос, здесь прыгай!". И при этом "Родос" – **Я**, которое и *cogito*, и *sum*. Невероятное многообразие, присущее языческой, то бишь *нехристианской*, философии, имеет всё же общий знаменатель: **Я** и есть "истина"!

"Я" есть самоназвание, самоименование. Местоимением "Я" язык всякому позволяет совершить акт как бы самоодаривания именем. На самом деле, имя собственное, моё собственное имя, *имеет* автора. И автор этот не **я** сам. Действительный автор – **даритель** и жизни и имени, "другой".

Многотрудный путь языческой, "субъектно-философской рефлексии" финиширует в "Я". Если в античности и средневековье философствующее "Я" фигурирует имплицитно, латентно, то Новое время широко вещательно его манифестирует (Декарт, Фихте, например). Истина вещи – её "сущность", так понималось это, скажем, Аристотелем. "Второе издание" той же идеи означает транспонирование её в средоточие человеческого бытия, и "сущность" теперь предстаёт как "субъект", провозглашающий себя как "Я". И поскольку, как во всех столах присутствует одна и та же "стольность", а всяк человек имеет в себе "яйность", дело предстанет так, будто здесь-то и находится конечный пункт, он же – начало начал, дальше двигаться некуда и незачем. *Здесь* начало на-

чал. Всё потому, что "Я" есть альфа и омега языческого образа философствования в целом. Почти до конца, почти до *Геркулесовых столпов*, уже в двадцатом веке, эту истину раскрыл Эдмунд Гуссерль, далеко не первым всерьёз озаботившийся идеей превращения философии в "настоящую" науку. Им и произнесено последнее слово *этой* "мудрости": **эгология**. Точнее не скажешь! Феноменология, чтобы стать "строгой наукой", должна предстать эго-логией.

Между тем "Я" (*эго*) – забвение *имени*, усекование главы его, *местоимение*, нечто *вместо* имени, эрзац имени, амнезия. Имя собственное, полное имя, включающее, кроме имени *индивидуального*, имя *видовое* (отчество), имя *родовое* (фамилия), имеющему уши ясно и понятно говорит: "Ты не один и не безначален, не беспредпосылочен". Полное имя, собственно имя, во-первых, помнит людей, давших жизнь сколь угодно настроенному на собственную "саморождённость" индивиду. Тем самым "другой" (и не один, а, как минимум, двое) встроены в *моё* бытие, составляет условие возможности *моего* бытия. Во-вторых, полное имя содержит в себе возможность определения через ближайший род и видовое отличие излюбленного правом, философией и наукой *понятия*, ибо построено по схеме "род-вид-индивид". И в нём, в имени собственном, отчётливо манифестируется *несобственность*, несобственноручность его "изготовления". В нём же – исток, условие

возможности устоев родо-видо-индивидуальной логики конституирования понятий. Наконец, в-третьих, имя указывает на род и вид как на совершенно реальных людей, а вот относительно понятий Аристотель вынужден был признать, что "роды и виды не есть начала вещей". Чти отца и мать – это и философское значение имеет. Вот только не для языческой философии, в духе которой полагается рассуждать обо всём на свете **в качестве** Ивана, даже родства не помнящего, что уж говорить о сотворённости...

ЛИТЕРАТУРА

1. *Булгаков С. Н.* Свет невечерний: Созерцания и умозре-ния / Сергей Булгаков. – М. : АСТ ; Харьков : Фолио, 2001. – 672 с.

Дем'янов В. О. "Інтуїція тварності" у філософії **С. М. Булгакова**. У статті розглядається одна з ідей *С. Булгакова*, що стосується питання про взаємкореляцію між науковим, раціональним дискурсом та вірою.

Ключові слова: С. М. Булгаков, віра, мислення, філософія.

Demianov V. O. "Intuition of createdness" in philosophy **S. N. Bulgakov**. The article is considered one of the ideas of *S. Bulgakov* concerning the issue of the correlation between a scientific, rational discourse and belief.

Keywords: Bulgakov, beliefthinking, philosophy.